

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 1(061.3)(470)
ББК 87.3:72.5(2Рос)

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РАЗНОЛИКОСТЬ И ЕДИНСТВО РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ»¹

19 октября 2017 г. на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Всероссийская научная конференция «Разноликость и единство русской философии». На конференции прозвучали доклады, посвященные следующим темам: историография, методология и источниковедение русской философии; историко-философское россиеведение; университетская и духовно-академическая философия; зарубежная историография русской философии. В рамках конференции состоялась презентация монографии заведующего кафедрой истории русской философии доктора философских наук, профессора М.А. Маслина «Разноликость и единство русской философии» (СПб.: Изд-во РХГА, 2017). Монография посвящена рассмотрению русской философской мысли с позиций концепции «разноликости и единства». Автор учитывает все интегральные формы русской мысли. Они анализируются как связанные единой цивилизационной общностью и исторической судьбой.

Маслин М.А., д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Концепция разноликости и единства русской философии

Разноликость и единство – ключевые слова, которые представляются предельно общими определениями своеобразия предметной области русской философии. Они отражают сложившуюся в течение многих лет научную концепцию, которая выразилась в прочитанных автором курсах лекций в МГУ, РУДН, МФТИ, МАИ, а также за рубежом – в США, ФРГ, КНР, в выступлениях в научной печати и на теоретических конференциях. Порядок расположения этих слов не случаен. На первое место поставлено славянское (сербское) слово «разноликость», которое является эквивалентом распространенного русского слова «многообразие», особенно часто используемого в бинарных связках «единство в многообразии» или «многообразие в единстве». Однако сербское слово «разноликость» представляется более образным и содержательным по отношению к той культурно-исторической духовной реальности, которую олицетворяет русская философия. Своеобразным и, возможно, неповторимым качеством русской философской мысли является именно ее разноликость, то есть

¹ Публикуются тезисы докладов участников Всероссийской научной конференции «Разноликость и единство русской философии», состоявшейся в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова 19 октября 2017 г.

чрезвычайное разнообразие смысловых преломлений при сохранении общего лика, его целостности и единства. Понятие единства здесь стоит на втором плане, ибо разные лики единого целого русской философской мысли являлись продуктами разных исторических и философских эпох. Отсюда понятно, что не существует равной самой себе русской философской мысли, основные теоретические качества которой сводились бы к неизменному воспроизведению антропоцентризма, историософичности, социальной приверженности или иных особенностей, которые часто фигурируют в научной литературе в качестве штампов, усредняющих и нивелирующих разноликость философии. Предмет, жанровые особенности и проблемы русской философии претерпевали изменения в разные эпохи ее существования, и разноликость является ее фундаментальной характеристикой. Концепция разноликости и единства раскрывается автором в очерке истории русской философии как научной дисциплины и рассматривается как презентация большого научного проекта энциклопедии «Русская философия», коллектив которого насчитывает несколько десятков исполнителей, проект реализуется начиная с 90-х годов прошлого столетия до настоящего времени. Автор стремился открыть разные лики философского «лица России» на примерах интеллектуальных портретов русских мыслителей разных эпох и направлений, с XVIII в. до наших дней: от М.В. Ломоносова до И.В. Киреевского, А.И. Герцена, К.Н. Леонтьева, Н.П. Огарева, Д.И. Писарева, В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, И.А. Ильина, Г.В. Флоровского, М.М. Бахтина, А.С. Панарина. Такой взгляд предполагает рассмотрение идей русских философов различных направлений, религиозных и нерелигиозных, как преемственного процесса полифонического диалога идей внутри отечественной философской мысли. Такой подход несовместим с господствовавшим в советское время монологическим «классовым подходом» и принципом партийности, который навязывал рассмотрение историко-философского процесса сквозь призму борьбы «всех против всех»: консерваторы, революционеры, либералы рассматривались как враждующие и непримиримые идеологические группировки, не связанные никакой идейной общностью. Очень важно также ознакомление читателя с зарубежной литературой о русской философии, сведения о которой до сих пор распространяются в России отрывочно и несистематично. Знание этой литературы обязательно для научной истории русской философии. Труды А. Валицкого, В. Гёрдта, Ф. Коплстона, Л. Мюллера, Т. Шпидлика, Дж. Клайна, Дж. Скэнлана, М. Денн и других зарубежных знатоков России так же важны для изучения, как и работы русских классиков. Однако до сих пор существует некавалифицированное мнение о том, что русская философия мало кому интересна за рубежом и что она существует главным образом лишь для «внутреннего употребления». Между тем зарубежная историография русской философии имеет более чем столетнюю историю: первое исследование на эту тему было опубликовано в 1913 г., оно принадлежало Т. Масарику, чеху по этническому происхождению, впоследствии первому президенту Чехословакии. Сегодня интерес к русской философии за рубежом

сохраняется и расширяется, захватывая не только Запад, но и Восток, в том числе Китай. Это укрепляет убеждение в том, что тяга к духовной культуре России будет развиваться и далее, выполняя роль «мягкой силы» против русофобии. Наглядное подтверждение этого сегодня наблюдается за рубежом. Вот почему на историках русской мысли лежит особая ответственность за правдивое и непредвзятое освещение отечественной интеллектуальной истории.

Ермичев А.А., д-р филос. наук, проф. Русской христианской гуманитарной академии, г. Санкт-Петербург

О содержательной особенности нашей философии (о книге М.А. Маслина «Разноликость и единство русской философии». СПб.: Изд-во РХГА, 2017)

Название книги М.А. Маслина будто рама для картины А. Пластова «Сенокос» с ее сочным разнотравьем и разноцветьем, говорящими о русском просторе, обещающими какое-то радостное исповедание. В книге – вступительная заметка к статье В.В. Зеньковского «Идея православной культуры», очерки о М.В. Ломоносове, А.И. Герцене, Н.П. Огареве и Д.И. Писареве, о В.В. Розанове, К.Н. Леонтьеве, Ф.М. Достоевском, об И.А. Ильине, Г.П. Федотове, М.М. Бахтине. Представлены изыскания автора о философских аспектах книг патриарха Кирилла «Семь слов о русском мире» и «Слово о философии в современном мире», изложение концепции энциклопедии «Русская философия», а также интервью, которое автор дал по случаю 70-летия кафедры истории русской философии МГУ. Великолепен последний раздел «Русская философия за рубежом» с превосходным очерком об А. Валицком, о славистических исследованиях в США в годы холодной войны и их состоянии сейчас – вплоть до материала об освоении русской философии в современном Китае. Автор привязан к своему предмету, любит своих персонажей, внушает читателю интерес и уважение к русской философии – носителнице духовно-нравственных ценностей, значимых для любого из нас; перед нами апология родной нам русской мысли. Таков эмоциональный тембр книги. Автор – веходец, разумеется, в культурно-духовном значении этого слова (очерк «Вехи» против «нищеты духа»). Он – государственник (очерки о К. Леонтьеве и И. Ильине), патриот и, наконец, евразиец, симпатизирующий А.С. Панарину (статья «Классическое евразийство и его современные трансформации»). Он заявляет о себе как о стороннике цивилизационного подхода к истории философии, когда последняя рассматривается в исторически сложившемся культурном контексте, в атмосфере мировоззрений изучаемой эпохи (с. 368, 29, 78, 80, 125, 459). С его точки зрения, сущностью названного культурного контекста была «русская идея» – сложная, неоднозначная, многогранная и многоаспектная, отразившая драматизм и многовариантность исторического пути России, но всегда сохранявшая «всемирную отзывчивость, готовность к самоограничению и даже самопожертвованию, служению миру» (с. 63, 71). Сама наука об истории русской философии называется «историко-философским россиеведением», «историко-философским по-

знанием России» (с. 80 и др.). Есть в книге и дискуссионные положения: о соотношении понятий «самобытность» и «национальное своеобразие» русской мысли; об авторской трактовке концепции «онтологизма» русской мысли; о статусе бинарной связки «разноликость» и «единство» в истолковании особенностей отечественной философии и др. *(Более подробную информацию о трактовке этих дискуссионных положений можно получить из моей рецензии на книгу, принятой к печати в журнале «Вопросы философии».)*

Кувакин В.А., д-р филос. наук, проф. кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Аспекты методологии истории русской философии как науки

Когда в 1986 г. я волею обстоятельств стал заведующим кафедрой истории философии народов СССР, я попытался сформулировать тот объект исследования, который соответствовал бы названию кафедры. Признаюсь честно: меня ожидала неудача. После многочисленных попыток представить себе историю философии народов СССР (16 союзных республик, 60 титульных национальностей) в качестве единого целостного объекта, который конституировал бы предмет этой области научного знания, я не смог обнаружить такового. Как хронологически и структурно свести воедино историю философской мысли, скажем, Армении и Киргизии, Грузии и Молдавии?.. Приходилось принимать это словосочетание как продукт «политической целесообразности».

Была трудность и иного порядка. Меня все больше угнетало чувство, что, формально говоря, русская философия завершила свою историю. Она прекратилась с того времени, когда в СССР победила марксистско-ленинская философия, обычно называвшаяся советской философией. Предполагалось, что марксизм, воплотивший в себя все высшие достижения мысли, как бы упразднил и сделал невозможным дальнейшее развитие любых философских и других культурных традиций. Западная философия XX в. рассматривалась как история перманентного кризиса буржуазной мысли. Но если она все-таки была и «кризисно» развивалась, то русская философия как культурно-историческая традиция попросту исчезла в СССР. Спор между «материализмом» и «идеализмом» завершился победой материалистической диалектики, но завершился он с помощью административных мер. Большая часть философов оказалась в эмиграции, остальные либо меняли профессию, либо исчезали в лагерях ГУЛАГА. При этом то, что создавалось в эмиграции русскими философами, власть тщательного игнорировала, в картотеках библиотек СССР нельзя было найти ни одной философской работы, изданной за границей после 1917 г. Неужели история русской философии стала «мертвым языком» подобно латинскому? Это была во всех отношениях великая историческая несправедливость. К счастью, вскоре наступила перестройка и другие глубокие перемены, кафедра была переименована сначала в кафедру истории отечественной философии (1988 г.), а с 1991 г. стала кафедрой истории русской философии. История русской философии в

полном смысле этого слова ожила, стала продолжаться, получила свое настоящее и будущее, а знания о ней снова стали знанием о живом процессе, который был, есть и будет в нашей стране.

Сегодня русская философия находит себя в совершенно новой социальной, психологической и интеллектуальной атмосфере. Если дать краткое определение этой ситуации, то она может быть передана словами «свобода» и «плюрализм». Никогда прежде исследования не были столь свободными от политического, государственного, религиозного или идеологического диктата. Никогда прежде авторские установки и оценки в философской литературе не были столь разнообразны, свободны и персоналистичны. Очевидным положительным достижением стало беспрецедентно большое число публикаций первоисточников и существенное расширение области историко-философских исследований национальной философской традиции. И хотя возникают некоторые флуктуации или «боковые ветры», идущие от некоторых институций, в частности религиозных, они для историко-философских исследований и оценок русской мысли не приобретают критического характера. Словосочетание «история русской философии» имеет несколько значений. Во-первых, это объективный процесс зарождения и развития философии, бытования её в нашей стране в качестве существенного компонента отечественной культуры. Русская философия была, есть и будет независимо от каждого из нас. И в этом состоит манифестация ее историко-онтологической субстанциальности. Во-вторых, это область знания, актуально существующая здесь-и-сейчас, всегда для настоящего, для людей, живущих как в России, так и далеко за ее пределами. В своем гносеологическом аспекте она предстает как познание, отражение и переживание русским философским сознанием вечных философских тем, глубинных метафизических и историософских тем – отношения России к себе самой и к миру в целом. Кроме того, история русской философии – яркий феномен мировой культуры, ее уникальная ценность. И в этом её аксиологический смысл. Для россиян русская философия – ценность экзистенциальная, поскольку она входит в сознание через язык, литературу, политику, историю, психологию и быт. Она незаметно выбирает, формирует, влияет на нас в меру нашей образованности и культурных запросов. Работая над изданным в США двухтомником «История русской философии», я особенно ясно осознал персонализм и дух свободы русской мысли. Постфактум мы вправе строить самые разные концепции истории русской философии, различать в ней борьбу классов или формирование идейных направлений, членить ее на различные исторические периоды, выделять в ней детерминанты развития и т.д. Но на первом плане для исследователя не может не быть сама философия и ее творец, движимый свободой и любовью к истине. Она персоналистична по своей энергии и исходной точке зарождения, свободна в своем интеллектуальном порыве. Она – выражение свободного духа, обитающего и выражающего себя в России как уникальной цивилизации. Персоналистичность свободного духа порождает плюрализм русской философии, в котором бурлит энергия мысли, страсти, любви и служе-

ния. В СССР мы много говорили о классовой и партийной борьбе в философии. Это была выдумка, следствие экстраполяции диамата на русскую философию. Видна большая условность даже в разделении философии в России на крупные направления. Сами её творцы никогда не стремились строго придерживаться школьных рамок, им было тесно в них, они философствовали от ума и сердца. Столь же плюральны и формы институционального бытования философии в России: от домашней и приватной до духовно-академической и университетской. Столь же разнообразны и формы ее выражения: от философских систем до афоризмов и поэзии.

Я поддерживаю концепцию истории русской философии М.А. Маслина. Возможно, я выражаюсь другими словами, но ведь персоналистический характер отечественного историко-философского процесса и есть то, что можно назвать личностным или ипостасным характером этого культурного и человеческого процесса. Многоликость создает яркий ансамбль многоцветия, придавая ландшафту русской культуры особую глубину, простор, красоту и привлекательность.

Громов М.Н., д-р филос. наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, г. Москва

Русская философия: единство в многообразии

Фундаментальный подход в изучении отечественной философии подразумевает рассмотрение всех форм её существования и всех стадий эволюции. Тогда можно выстроить идентичную схему её развития, установить связь с другими видами творческой деятельности и вписать в культурно-исторический контекст. Начинать рассмотрение нужно с наиболее раннего периода, затем проследить по всем последующим векам вплоть до нашего времени. Должны быть учтены все источники, в которых отразилась философская мысль, как вербальные, так и невербальные, как в концентрированном, так и в рассеянном виде. Желательно иметь в виде некой идеальной проекции общую модель бытования философии на отечественной почве. Разнообразие источников и методологических приёмов создаёт феномен многообразия, характерный для русской мысли и русской культуры в целом. Рассмотрение её в целостном историко-культурном контексте подчёркивает её единство. Единство и многообразие суть константы, параметры, границы, в рамках которых существовала и существует русская мысль, и одновременно они предстают в качестве принципиальных установок для её исследования. Всегда будут различные точки зрения в изучении отечественной мысли, где крайними являются, с одной стороны, умеренное её восхваление и, с другой, нигилистическое отрицание. Диапазон более взвешенных оценок находится между ними. Занимая в этом диапазоне собственную позицию, не будем отрицать иные либо игнорировать их. Русская мысль тесно связана с литературой, они имеют мировое значение в качестве неперемного компонента мировой культуры.

Козырев А.П., канд. филос. наук, доц. кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Русский немец в Японии: случай Рафаила фон Кёбера.

Публикация серии материалов, посвященных Рафаилу фон Кёберу (1848–1923 гг.), русскому немцу из Нижнего Новгорода, оставившему след в германской философии и фактически основавшему традицию преподавания европейской философии в Японии, открыла новую страницу в истории русской философии, которая, как не устают повторять М.А. Маслин, существует и развивается на различных языках. Подробный очерк биографии Р. Кёбера на русском языке был дан японским исследователем Р. Ханья. В журнале «Сократ» (сентябрь 2016 г.) были опубликованы статьи А.Е. Куланова, Х. Хироюки (Япония), перевод воспоминаний Нацумэ Сосэки, а также мною впервые опубликованы пять писем Р. Кёбера к П.И. Чайковскому (они хранятся в архиве П.И. Чайковского в г. Клин) 1869 (1870?) – 1891 гг. Судя по «научному отчету», приведенному в последнем письме Чайковскому, философская карьера Кёбера состоялась. Он защитил докторскую диссертацию, издал две монографии «Shopenhauers Erlösungslehre» и *Die Grundprinzipiender Shelling'schen Naturphilosophie*. Однако примечательно то, что Кёбер оставит свой след прежде всего преподаванием философии в Токийском императорском университете, куда отправится в возрасте 45 лет. В Японии он проработает 21 год, получив звание почетного профессора. Кроме философской школы, Р. Кёбер создает японскую фортепианную школу. Исследование таких фигур обогащает наше представление о многоликости русской философии.

Троицкий В.П., старший научный сотрудник Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», г. Москва

Образы многоликости и единства в русской философии: «логизм» и философия множественности

Тему разноликости и единства мы раскроем в двух: отпираясь на язык или логос русской философии и отпираясь на интегральное представление о «единстве-множественности». Центральная роль языка и слова в русской философской мысли стала особенно очевидной после трудов С.Н. Трубецкого и В.Ф. Эрна, задавших тему русского «логизма», а также после появления серии работ по философии языка, получивших толчок от «имяславских» споров, – работы В.Ф. Эрна, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева, арх. Евфимия (Вендт). Философские построения появлялись на полисемантической почве слова-логоса, захватывающей громадный диапазон смыслов – от Логоса – второго лица Троицы (христоцентризм) через слово как претворенное понятие до логоса как действенной силы. «Живая дубрава» философской речи взрастала на этой плодотворной почве. Разноликое единство философской мысли само по себе было предметом изучения и обобщения: от первых попыток обозначить «цветущую сложность» у К. Леонтьева или в «соборности» славянофилов до

прямого изучения и описания феномена в эволюционной монадологии Н.В. Бугаева, антиномике П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева, философии множественности В.Н. Муравьева и морфологии В.Н. Ильина. Эта линия продолжается вплоть до традиции школы философской системологии, сконцентрированной вокруг серии изданий «Системных исследований».

Ширинянц А.А., д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

М.А. Маслин и «относительное единство политической культуры русской интеллигенции»

Идея М.А. Маслина об относительном единстве политической культуры русской интеллигенции XIX в. обладает эвристической ценностью, позволяет вести речь о единстве интеллигенции как социальной, культурной общности, имеющей политическую культуру (важнейшими признаками которой являются оппозиционность власти, народолюбие, профетизм), отличную и от официальной политической культуры власти, и от традиционной политической культуры «народных низов». В ее сознании сочетались индивидуалистские и коммунистские, этатистские и антиэтатистские, либерально-демократические, реформистские и революционаристские, радикально-нигилистические и охранительные стремления и тенденции, космополитизм и самобытность. Понимание этого дает возможность показать всю сложность этого феномена, признать, что предназначение русской интеллигенции – не «провокативные» заявления и действия политического характера, не продажа чего-либо, включая «образовательные услуги», не бюрократическое функционирование, а формирование и сохранение духовных, культурных ценностей – то, что М.А. Маслин называет «хранительством». Одним из таких «хранителей» является и сам профессор М.А. Маслин – русский интеллигент, патриот России.

Мошелков Е.Н., д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Дихотомии русской политической мысли

Важной характеристикой русской политической мысли является ее полемичность, ее развитие – непрекращающийся идейный спор. В русском средневековом эпосе и мифологии мы встречаемся (у других народов этого нет) с образом развилки, пограничного камня, стоящего на пересечении дорог. Здесь нет оптимального выбора, поворот в любую сторону связан с трудностями, риском. Россия на своем пути периодически упирается в такой пограничный камень: куда ни пойдешь – везде опасность и неизвестность. Политическая мысль в России тоже развивается как дихотомический дискурс. *Первая дихотомия* основывается на понимании сути и статуса государства, с одной стороны, и всех остальных сфер общественной жизни (гражданское общество, церковь и др.), с другой.

Вторая относится к проблеме эволюции государства. Идея об органичном саморазвитии существующих государственных форм и политических отношений сталкивается с идеей радикального слома старых порядков. Промежуточные проекты консервативной или умеренной реформации оказываются невостребованными или мало результативными. *Третья дихотомия* строится на истолковании роли России в системе международных взаимосвязей: исключительности ее судьбы или необходимости слияния с общемировым потоком социального прогресса. В реальном дискурсе эти дихотомии переплетались, но полярность подходов никогда не ослабевала и не сглаживалась.

Павлов А.Т., д-р филос. наук, проф. кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Л.М. Лопатин о космической природе идеального

Интерес к человеческому сознанию, т.е. к идеальному в человеческой жизни, всегда был в центре философских размышлений. В XVIII в. французские философы выдвинули формулу: сознание есть свойство человеческого мозга. В XIX в. было доказано, что конкретные участки мозга отвечают за проявления сознания, что, влияя на них, можно изменять ощущения и даже мышление. Казалось, идеи французских мыслителей получили подтверждение. Но Л.М. Лопатин показал несостоятельность точки зрения на идеальное как свойство материи. Можно ли сказать, что идеальное существует только в нашем мозге, является сущностью нашего сознания и больше нигде во Вселенной не встречается? Мне трудно признать мысль об уникальности нашего сознания. Во Вселенной мы наблюдаем явления, которые во многом имеют такие же свойства, как сознание. Как о сознании других можно судить по внешним проявлениям, так и во Вселенной мы находим явления, которые обнаруживают себя в материальных процессах – в движении планет, в магнетизме, в явлениях света и т.п. Изучая эти процессы, человечество обнаруживает в них то скрытое содержание, которое получило название «закон». Закон, как и наше сознание, идеален, но проявляет себя в материальных процессах. Материальное и идеальное не существуют друг без друга, это единый мир, а значит, и говорить о первичности или вторичности того или иного бессмысленно.

Кротов А.А., д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Соловьев и Мальбранш

В мышлении Соловьева усматривается очевидный интерес к наследию французского философа Мальбранша. Он помещает его систему в контекст истории французской философии, указывая, что даже философы XIX в. не смогли превзойти «умозрения, установленные Декартом и Мальбраншем», и вся последующая история стала «бесплодным эклектизмом». Начиная с французской

революции обозначился характер западной философии как попытки построить здание вселенской культуры на мирских, внешних началах. В.С. Соловьев признает оригинальность философии Мальбранша, связывая ее с видоизменением метода Декарта, рассматривая ее в качестве переходного этапа к спинозизму и берклианству. Ключом к раскрытию причины интереса Соловьева к наследию Мальбранша может служить лекция «Исторические дела философии», где он связывает развитие западной мысли «от Декарта до Гегеля» с освобождением «разумного человеческого начала». Мальбранш предстает одним из тех философов, которые служили делу развития «свободно-разумной личности», а значит, торжеству христианской истины.

Ванчугов В.В., д-р филос. наук, проф. кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

О препятствующих познанию внутренних и внешних факторах: сравнительный анализ двух «Слов» профессора Московского университета Д.С. Аничкова (1770 г., 1774 г.).

Гносеологический и политический подтексты

В 1770 г. в «Слове о свойствах познания человеческого и о средствах, предохраняющих ум смертного от разных заблуждений» Д.С. Аничков выступает против теории врожденных идей, дабы уберечь людей от «предрассуждений», препятствующих познанию. Опытное знание, основанное на разуме, ведет к истинному познанию, согласно которому природа и человек есть творение Божие. В 1774 г. он предлагает «Слово о разных причинах, но малое препятствие причиняющих в продолжении познания человеческого», подводящее итог очищению познания от препятствий. Вместо «предрассуждения» («предрассудка») он использует термин «помешательство» в значении «препятствие, затруднение». Выявляя весь спектр помех, он добавляет новые аспекты: «самолюбие (philautia)», «честолюбие и сребролюбие». К внешним причинам, препятствующим познанию, он относит «худое воспитание». Особого внимания заслуживает «обращение с простым народом». Простые люди, будучи рабами своего воображения, причиняют зло себе и другим. В этом пассаже можно усмотреть реакцию на «чумной бунт» в Москве 1771 г., когда беспорядки показали всю глубину невежества народа и сделали очевидным тот факт, что образование в России затрагивает лишь узкий круг людей. Так в завуалированной форме Д.С. Аничков указывает на необходимость просвещения всех слоев населения империи.

Болдырев А.И., канд. филос. наук, доц. кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Кардинал Томаш Шпидлик как историк русской мысли

Свой взгляд на русскую интеллектуальную традицию Т. Шпидлик выразил в книге «Русская идея: иное видение человека». Она написана с большой

симпатией к нашей культуре. Главная цель работы – найти на славянском Востоке те начала, которых недостает духовной жизни Западной Европы. У русских, полагает Т. Шпидлик, иная модель человека и особый взгляд на Бога и мир, более адекватные реальности, чем на Западе. Материал, на основе которого он делает такой вывод, колоссален по объёму и в основном является богословско-философским по содержанию. Складывается впечатление, что ему не всегда удобно акцентировать нашу особость, и он сбивается на отстранённый пересказ-популяризацию идей мыслителей. Анализ русской культуры ведётся по многим позициям, из которых выделяется учение о человеке. Бердяевской идеей существования как страдания Т. Шпидлик демонстрирует важнейшее отличие русских. Если на Западе нужно доказывать существование в «ясных и отчётливых понятиях», исходя из разума, то в России исходят из целостного существования, показывая его преимущественно как страдание. Это не означает, что западный человек не чувствует того же, просто он под влиянием своего культурного кода переключается с этого глубинного переживания на привычное и респектабельное мышление. Предметные следствия этого положения таковы: русский человек в принципе непредсказуем для самого себя, готов сам себя превзойти и удивить.

Караев Т.М., д-р филос. наук, проф. кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Русская философия в культуре народов Кавказа

«Многоликость» русской философии означает не только многоаспектность проблематики, но и способ её трансляции в мир. Поясним этот тезис на примере кавказоведения. Сведения о Кавказе и его народах стары как мир, но в научном плане он становится известным благодаря российскому кавказоведению. Еще декабристы высказали идею, что Кавказ – это научная лаборатория под открытым небом. Это множественность языков, верований, традиций, укладов жизни, архитектуры, искусства. По инициативе РАН были организованы экспедиции, заложившие основы образования целой школы востоковедов. Труды М. Казембека по изучению ислама, Корана, восточных социальных движений являются и в наше время классическими. Ш. Ногмов, К. Хетагуров, А. Гассиев, Н. Николадзе, И. Чавчавадзе, А. Церители, А. Пурциладзе, М. Ахундов, Г. Зардаби, М. Налбандян выбирали в русской философии то, что их волновало. Идея «многоликости» для меня символична тем, что в трудные времена постсоветского периода кафедра истории русской философии сохранила кавказоведение как исследовательское и учебное направление, и в этом также выразилась «всемирная отзывчивость» русской культуры.

Попов А.А., канд. филос. наук, ст. преп. кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Разноликость

М.А. Маслин разрушает многие стереотипы, существующие в работах по истории русской мысли. Исходя из своих научных интересов, обратимся к статье о И.В. Киреевском. Автор обращает внимание на активное взаимодействие И.В. Киреевского с широким кругом современников. П.Я. Чаадаев никогда не прерывал своих отношений со славянофилами. Он был фактическим автором письма Киреевского к Бенкендорфу (1833 г.), а в 1845 г. посвятил ему «Письмо из Ардатова в Париж». И.В. Киреевский никогда не скрывал своего уважительного отношения к Грановскому. В то же время по целому ряду вопросов он активно дискутировал с Хомяковым. Название его работы «В ответ Хомякову» говорит о существовании разногласий между ними, а работа «Московским друзьям» (1847 г.) подтверждает их принципиальный характер. М.А. Маслин разрушает еще один «славянофильский миф», основанный на «Записках А.И. Кочелева», опираясь на который многие исследователи преувеличивают влияние жены Киреевского на своего мужа. Процесс приобщения Киреевского к этому течению мысли носил длительный характер и продолжался с 1836 до 1839 г.

Пономарев В.Н., канд. филос. наук, доц. кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Русская философия: к вопросу о «единстве»

Вынесенное в заголовок книги сочетание слов «разноликость» и «единство» приковывает внимание. Сербское понятие «разноликость» в русском языке употребляется редко. Его эквивалентом являются термины «разнородность», «неоднородность», «пестрота», однако по своему образному значению они уступают ему. Оно подчеркивает наличие в русской философии различных течений, каждое из которых по праву занимает свое место. Автор замечает, что в изучении русской философии не должно быть воспроизведения истории одних и тех же течений. В нынешних учебниках для студентов в основном излагается история религиозной философии. Работы пишутся в соответствии со стандартом, в котором преподаванию русской философии, по существу, нет места. Следует понимать, что русская философия – это ядро национальной культуры, а потому нужно дать целостное видение всей ее истории, не принимая тех или иных этапов ее становления. «Перекося» может обернуться препятствием для развития философской мысли в целом.

Герасимов Н.И., канд. филос. наук, старший научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, г. Москва

«Бульвар Монпарнас, д. 10» в истории русской философии

В сложный период трансформации Российской империи в СССР, когда одно государство создавалось путём уничтожения другого, возникла проблема территориальной локализации самой русской философской мысли. Философия русского зарубежья не смогла бы состояться без своей материальной основы – финансирования, социальной организации. По адресу «Париж, Бульвар Монпарнас, д. 10» располагался один из центров развития русской философии во Франции. В этом особняке, который арендовала YMCA в пользу сообщества русских эмигрантов в 1920–1930 гг., существовала сложная система организаций, которая в эпоху «русского Монпарнаса» преследовала цель сохранить хрупкую целостность эмигрантского сообщества путём создания новой духовной культуры русского зарубежья. Организации выполняли разные по своей специфике функции. Они занимались издательской и научно-просветительской деятельностью (YMCA-Press, журналы «Путь» и «Вестник РСХД»), научно-образовательной и педагогической (Религиозно-педагогический кабинет, Воскресно-четверговая школа), общественной и научно-координирующей (РСХД и РФА) и непосредственно духовной (Церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы). Ведущую роль играли Н.А. Бердяев и В.В. Зеньковский. Вместе с Б.П. Вышеславцевым, В.Н. Ильиным, А.В. Карташёвым и другими они создали уникальный «организм» русской философии в Париже. Некоторые из организаций существуют и по сей день (РХД и Церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы). Сохранившееся здание сейчас лишь напоминает о временах, когда русская философия была неотъемлемой частью культуры довоенного Монпарнаса.

Калитин П. В., д-р филос. наук, проф. НИЯУ (МИФИ), г. Москва

Наш ответ религиозно-философскому возрождению начала XX века

Этот ответ заключается в многократном издании сначала словаря, а потом энциклопедии «Русская философия», где впервые в отечественной мысли были собраны практически все её ключевые персоналии и понятия, причём с точки зрения настоящего академического ракурса, свободного от идеологических влияний. Жанр словаря/ энциклопедии оказался удачным, и его с цивилизованным удовольствием воспроизвели в Сербии и во Франции. Безусловно, главная заслуга в выходе в свет этого уникального издания принадлежит М.А. Маслину, который, без преувеличения, стал «Иваном Калитой» русской мысли в деле её полновесного собирания и действительно адекватного постижения вплоть до всесторонней конкретизации её достижений и слабостей. Первое издание словаря «Русская философия» вышло в свет в 1995 г., когда советский период в развитии отечественной мысли третировался, так что главному

редактору потребовались не только научная добросовестность и порядочность, но и экзистенциальное мужество.

Кусенко О.И., канд. филос. наук, младший научный сотрудник сектора истории западной философии Института философии РАН, г. Москва

Итальянской философской русистике 100 лет

Столетний путь итальянских исследований русской мысли представляет собой важную страницу зарубежного философского руссиеведения. В 2017 г. в Болонье, Милане, Риме, Турине, Падуе, Флоренции прошли конференции, посвященные истории идей в России. Благодаря нескольким поколениям исследователей (В. Джусти, Ф. Вентури, В. Страда, Дж. Пиовесана) русская интеллектуальная традиция стала фактом итальянского сознания. Оформились два направления изучения русской мысли: университетское (светское) и теологическое. Различные по своим ориентирам, дополняя друг друга, они совокупно отражают «разноликость и единство» философской культуры. Интерес к русской мысли расширяется, вбирая в себя новые сюжеты из её истории. Русская философия для итальянских исследователей – «открытое произведение» (У. Эко), из которого можно черпать актуальные смыслы. Это особо подчеркивается в двух обширных монографических исследованиях последних лет: С. Тальягамбе «Дивергенция в революции. Философия, наука и техника в России (1920–1940 гг.)» и Д. Читати «Страсти по Евразии». Тяга к русской духовной культуре и стремление к актуализации идей русских философов на Западе – ключевые черты итальянской философской русистики.

Коцюба В.И., д-р филос. наук, доц. департамента философии МФТИ (Государственного университета), г. Москва

Духовно-академическая философия как одно из направлений русской философской мысли

Духовные академии в России неизменно содержали в своих учебных программах философские дисциплины. Став наряду с университетами важной частью истории становления профессионального философского образования, они дали русской философии в лице своих преподавателей особое направление. Во-первых, они ставили задачу систематического обоснования религиозного мировоззрения: бытия Бога, бессмертия души, апологии христианства посредством критического анализа антирелигиозных учений. В большинстве случаев философия духовных академий дифференцировала себя от богословия, изучающего Божественное Откровение. Во-вторых, внимательно изучались европейские труды по преподаваемым дисциплинам. Этим объясняется типологическое сходство наследия духовно-академической философии с сочинениями представителей европейской философии. Знакомство с наследием Ф.А. Голубинского, В.Д. Кудрявцева-Платонова, М.И. Каринского и др. расширит и обогатит представления о мире русской философии.

М.Г. Ганопольский, д-р филос. наук, проф., главный научный сотрудник Института проблем освоения севера СО РАН, г. Москва

От калейдоскопа к мозаике: новый взгляд на историю русской философии

Монография М.А. Маслина представляется ценной не только за счет фактографического материала, но и, прежде всего, за счет оригинальности авторской оптики. Если классический взгляд на историю событий и на историю мысли обладает свойством калейдоскопичности, то неклассический и тем более постнеклассический подходы – мозаичны. Как известно, гармоничность картинки, представленной в калейдоскопе, создается не расположением смальты, а системой зеркал. Но постнеклассическая оптика – это «разбитый» калейдоскоп. Рассыпалась не только разноцветная смальта, разлетелись осколки создававших симметрию зеркал. Собрать все это в репрезентативную мозаику, противопоставить ее хаотичности распада – именно такую задачу поставил перед собой и успешно выполнил автор. Он не просто учитывает как сквозные, так и интегрирующие формы русской мысли, а выстраивает разноликость этой мысли в увлекательный мозаичный сюжет. При этом они органично обрамляются историографическими очерками.

Разин А.В., д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой этики философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Русские философы о морали и праве

Тема морали и права была центральной для многих мыслителей: В.С. Соловьева, И.А. Ильина, А.И. Введенского, Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина и др. Большинство философов поддерживали теорию, законным в которой считается то, что соответствует естественному праву. П.И. Новгородцев полагал, что традиция сдерживает крайности субъективного произвола, смягчает противоречия, проявляющие себя в условиях перемен. Многие считали, что в случае конфликта между правовыми нормами надо ориентироваться именно на принципы естественного права. Особую ценность представляют рассуждения о развитии человеческих союзов. Б.Н. Чичерин отмечал, что развитие личности и совершенствование союзов есть обоюдный процесс. Он вел дискуссию с Вл. Соловьевым, который считал, что с помощью права можно обеспечить минимум добра, допуская при этом неизбежное зло. Мы полагаем, что данный спор может быть разрешен, если учесть современные тенденции развития публичной морали. Она допускает минимальное зло ради обеспечения возможно большего добра. Русская философия на рубеже веков вышла за пределы узкого понимания этики как отношения одного лица к другому и стала рассматривать проблемы в широком общественном контексте.

Сенчихина Ю.Б., канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Образы истории русской мысли

История русской философии – это отражение самосознания и исторической судьбы России, в ее историографии даны образы этого отражения, представлены попытки осмыслить русскую философию в целом, предложить ее концепцию. Критерии, по которым она вырабатывается, разделяются на философские и не философские. В первом случае авторы акцентируют имманентную сущность объекта, рассматривают философию изнутри как спонтанный творческий процесс, развивающийся по своей внутренней логике. Этим авторов можно назвать интерналистами (арх. Гавриил, В.В. Зеньковский). «Экстерналисты» представляют философию как продукт экономических или политических отношений. Так, у Ленина философская традиция превращалась в форму борьбы политических партий и идеологий. Другим критерием построения концепции русской философии является структурно-тематический подход, при котором философские идеи мыслителя реконструируются по определенной схеме: онтология, гносеология и т.д. Особенность этой структуры оказывается зависимой от предпочтений историка русской мысли. Еще одним критерием является поиск тематических и психологических детерминант в истории философии России. Так, Н.А. Бердяев стремился постигнуть смысл русской мысли в зависимости от «географии русской души» или ее психологии. Считаю целесообразным при реконструкции мировоззрения мыслителей минимально привлекать для оценок внефилософские факторы, будь то особенности личной жизни мыслителя или его политические симпатии.

Никандров А.В., канд. полит. наук, доц. кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Марксизм и советское государство

Духовным стержнем, скрепляющим фактором советского государства являлось учение Маркса и Энгельса в его развитии Лениным и «идейной канонизации» Сталиным. Сталинская политическая догматика, «сумма политики», – это свод положений о советском государстве, его идеале и цели, месте в мировой политике, носящих непререкаемый, установочный характер. Если в отношении теорий, концепций, любого рода политических утверждений можно и нужно ставить вопрос о «соответствии истине», то в отношении догматики – нет, так как она и считается истиной. Максимум теории считаются фундаментальными по отношению к советскому государственному и партийному строительству, им придается статус догм. Необходимо исходить из понимания взаимосвязанности марксизма и советского государства (развитие марксизма – дело государственное, а уже затем – дело ученых и исследователей).

Мелих Ю.Б., д-р филос. наук, проф. кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

**Разноликость и единство русской философии в оценке
В. Гердта и М.А. Маслина**

В работе «Русская философия. Подходы и прозрения» (1984 г.) В. Гердт отмечает, что русская философия «является серьезным партнером» в философском дискурсе. Труд М.А. Маслина также призван показать значение и присутствие русской философии за рубежом и дать ей сущностное определение, хотя ее и нельзя определить через сведение к единому смыслообразующему основанию. Маслин приводит известное утверждение, что русская философия антропоцентрична, историософична, нравственно напряжена. Указывается и на мнение исследователей, что ее своеобразие составляет особая национально-русская терминология. Вывод о том, что не существует абсолютно самобытной русской философии, дополняется положением о предлагаемых ею своеобразных способах решения философских проблем. В концепции Гердта дается определение русской философии как «мышления единства и многообразия» и подчеркивается главный ее принцип – «открытость». Исходным пунктом зарождения русской философии является «многообразие основания», поскольку русские мыслители подходят к своему времени с особенными вопросами. В определении сущностной характеристики русской философии через многоликое единство М.А. Маслин, безусловно, своеобразен, и в современном осмыслении русской философии ему удастся закрепить этот термин за собой.

Сытин А.Г., канд. филос. наук, доц. кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

**Разноликость и единство русской философии политики и права
(на примере идей П.И. Новгородцева и мыслителей его школы)**

Идею о разноликости и единстве можно отнести и к русской философии политики и права. В работах П.И. Новгородцева и мыслителей школы возрожденного естественного права И.А. Ильина и Н.Н. Алексева очевидно единство философии политики и философии права. Согласно терминологии начала XX в. они называли себя философами права. Однако проблемы, которые они разрабатывали (правосознания, общественных идеалов, предпосылок демократии, подлинного успеха в политике, смысла власти как служения и др.), относились и к проблемам политической сферы. Можно говорить и о единстве их идей. Это тем более важно, что Новгородцев был либералом, Ильин консерватором, а Алексеев стал одним из теоретиков евразийства. Однако, несмотря на разнообразие их взглядов, были позиции, которые их объединяли. Для каждого из них Россия была безусловной ценностью, смыслом их идейных исканий, каждый считал критерием подлинного успеха в политике расцвет народной жизни. Это общее составляло некую единую культурную матрицу русской философии политики и права, основу ее ценностей.

Соловьев А.В., канд. филос. наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Русская «философия войны»: разноликость и единство

Данная тема объединяет мыслителей России, сделавших войну объектом своей философской рефлексии. Эта проблематика явилась попыткой теоретического осмысления причин возникновения войны в неразрывной связи с историей человечества. Точки зрения мыслителей различались, что способствовало многостороннему рассмотрению темы, созданию соответствующего национального дискурса. Голландский автор С.Р. Штейнметц в своем исследовании «Философия войны» упоминает, наряду с западными мыслителями, имена М.И. Драгомирова, Л.Н. Толстого. Однако к данной традиции следует отнести Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, В.Ф. Эрн и др. Французский философ А. Филоненко в работе «Эссе о философии войны» три главы посвящает Л.Н. Толстому. В советский период эта проблематика получила осмысление в труде А.Е. Снесарева и в работах представителей русского зарубежья А.А. Керсновского, А.Л. Мариюшкина, А.К. Баиова, П.И. Залесского, Е.Э. Месснера и др.

Бобылёва Д.Ю., асп. философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Анджей Валицкий и его взгляд на русскую философию

Анджей Валицкий – автор обширного фундаментального труда по истории русской философии «The Flow of Ideas: Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance», охватывающего период от русского Просвещения до «религиозно-философского Возрождения», а также более 400 публикаций. Он один из основателей Варшавской школы истории идей (наряду с Л. Колаковским, Б. Бачко, Е. Шацким и др.), специалист по истории либерализма и философии права. В 50-е годы, благодаря переосмыслению господствовавшего в науке тех лет марксистского подхода к изучению истории идей, сформировались основные принципы историко-философского подхода А. Валицкого. Он рассматривает русскую философию как равнозначную часть европейской философии, единый в своем многообразии «поток идей», подчеркивая при этом интеллектуальную преемственность, проводя параллели между разными периодами ее развития и подтверждая постоянство существования одних и тех же идейных содержаний в изменяющихся контекстах и формах.

Шпаковский М.В., студент философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Философские корни мистического опыта Елеазара Анзерского и протопопа Аввакума

Для древнерусской культуры XVII век стал завершающим. На него приходится расцвет традиции видений и визионерства. Елеазар Анзерский и протопоп Аввакум Петров составили жизнеописания и переживали мистические видения, представив их в свете древнерусской богословской традиции. В своем «Свитке» Елеазар излагает открывшиеся ему явления горнего мира. Особое место занимает видение Троицы, соответствующее изводу «Новозаветной Троицы» с отдельными престолами, восходящей к иосифлянской триадологии. Еще один важный текст для понимания этой традиции – поучение об Иисусовой молитве. Аввакум также излагает свой опыт единения с космосом. Аскетические подвиги привели его к тому, что он вырос до размеров земли и понял, что Бог вместил в него небо и весь мир. За верность истине и страдания ему покоряется небо и земля, тогда как царь владеет только своим уделом на земле. Мистический опыт Аввакума четко коррелирует с «Книгой Еноха», что уникально: это единственный в древнерусской книжности случай, когда древняя иудейская апокалиптическая традиция Шиур Кома (Божественного тела) имеет столь яркую рецепцию. Различные предания этой традиции повествуют о вселенском размере тела, которое приписывается то Богу, то Адаму, то возносящемуся Еноху. Аввакум описал свой опыт в русле традиции Шиур Кома через комбинацию различных мистических образов и символов, почерпнутых из апокрифов.

Костенко-Баранова Е.В., аспирантка философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

В поисках универсальных особенностей русской философии

Выявление особенностей русской философии возможно на пути сведения воедино многообразия её организующих принципов – «первоэлементов», принимаемых в качестве таковых творцами её основных концепций: В.Ф. Эрном, Б.В. Яковенко, Г.Г. Шпетом, В.В. Зеньковским, Н.О. Лосским. Предмет русской философии изначально обретает черты, связанные с особенностями характера русского народа, с попыткой фиксации его необъятного диапазона. Кажущееся желанным освобождение русской ментальности от наслоений видится или в отрицании одного из её модусов, или в фиксации дихотомии (В.В. Зеньковский). Историсофичность мысли находит оформление в «русской идее». «Вечные вопросы» решаются в пространстве символа с «рассредоточением во всём контексте культуры». Правомочность «примирительного» подхода коренится в сплаве «субстанциальности» русской философии и «русской идеи» вплоть до обретения полной свободы и вхождения в «неисторическое восприятие мира» с его отказом от национального своеобразия ради обретения «мистического средоточия» (Флоровский). На камне этой философомы

перерастания себя как нации и ориентации на вступление во вселенское человечество сходятся различные пути русского философствования.

Пеньяфлор Расторгуева Н.В., сотрудник философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Между двух революций: Эллис-Кобылинский в контексте противостояния символистских книгоиздательств

Л.Л. Кобылинский (псевдоним Эллис) принадлежал к младшему поколению символистов России. Символизм часто трактуют как сугубо литературное движение. Мы предлагаем взглянуть на него как на поиск путей преобразования мира и человека сквозь призму искусства. В этом смысле русских символистов следует признать неявными участниками революционного движения в России. Неприязнь «бывших» символистов к большевистскому строю была острой, и это была не только горечь от чувства утерянной родины, но и ненависть к победившим политическим противникам, поскольку долгое время они надеялись на то, что им удастся возглавить процесс политического и религиозного обновления страны. Большинство символистов считали необходимым вести преобразование религиозно-мистическим путем, однако еще во время революции 1905–1907 гг. стало ясно, что единый взгляд на то, как должны осуществляться подобные практики, отсутствует. Полемика Эллиса с В. Ивановым, А. Белым, Э. Метнером отражает борьбу идей за преобразование и преобразование мира, так и не получивших практического осуществления.

Ни один ученый не может охватить своим взором весь объем богатейшего культурного материала, который преподносит русская история. Конференция еще раз выявила – как бы в противовес монолитному идеологизму советских времен – и разность теоретико-методологических позиций, и политических пристрастий исследователей истории русской философии, и общую увлеченность поиском незаслуженно забытых имен, переосмыслением традиционно сложившихся оценок и штампов. Было отмечено, что только творческое взаимодействие, совместная работа по изучению культурного наследия, – будет ли оно названо философией или интеллектуальной традицией – является условием объективности исследований. Круг читателей, не просто интересующихся историей и культурой, но разбирающихся в тонкостях философского дискурса, значительно превышает профессиональную аудиторию. И именно это делает перспективными многие разработки в области истории философии и объясняет тот факт, что в истории культуры неожиданно обретают современное звучание произведения и идеи независимо от времени появления оригиналов.

Л.Р. Авдеева,

канд. филос. наук, ст. науч. сотрудник кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва